ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О МИТРОПОЛИТѢ ФИЛАРЕТѢ.

Московскій митрополитъ Филаретъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу самыхъ достопамятныхъ историческихъ лицъ нашего вѣка: многолѣтняя дѣятельность его отличалась необыкновенною живостью, и въ ней никогда не бывало ничего зауряднаго. Это истинная, непререкаемая слава новой Русской исторіи; можно бы даже сказать—гордость Русскаго имени, еслибы слово гордость совмѣщалось съ монашескимъ его смиреніемъ. Дѣло въ томъ, что это былъ не только искренній инокъ, но въ тоже время пламенный патріотъ, до послѣдняго дня жизни принимавшій живое участіе въ судьбахъ отечества. Его неутомимая оглядливость и постоянное отстаиваніе достоинства и правъ своего положенія и своего сословія отъ вмѣшательства и притязаній свѣтской власти могли бы наполнить собою цѣлую книгу. При графѣ Закревскомъ, въ столкновеніяхъ съ полиціей, Филаретъ даже прибѣгалъ къ игрѣ словъ. Однажды, полицейскій чиновникъ, присланный къ нему съ какимъ-то объясненіемъ отъ генералъ-губернатора, началъ рѣчь словами: „Мы справлялись и оказалось....“—„Вамъ бы не *справляться*, а *исправляться*“, сказалъ ему митрополитъ. Въ другой разъ при немъ говорили объ Англійскомъ произношеніи: написано одно, а говорится другое; написано *а*, а выговаривается *е*. „А мы-то не такъ гибки: изъ *частнаго* *) у насъ никакъ не сдѣлаешь *честнаго*“.

Въ пастырскихъ заботахъ своихъ о благѣ общемъ Филаретъ непрестанно слѣдилъ за внутренней и внѣшней политикой. Читатели „Русскаго Архива“ (1886, II, 310) помнятъ, какъ онъ былъ правъ въ дѣлѣ о протоіереѣ Павскомъ. Имъ написано наставленіе священнику, который преподавалъ православное богословіе покойной Государынѣ Маріи Александровнѣ, по пріѣздѣ ея въ Россію въ 1840 году. Узнавъ, что одинъ изъ профессоровъ Московскаго университета приглашенъ для уроковъ къ Цесаревичу Николаю Александровичу, Филаретъ вызвалъ его къ себѣ на подворье и цѣлый вечеръ пробесѣдовалъ съ нимъ. Къ совѣту его прибѣгали по важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ. Благодаря его настоянію, въ 1862 году прекращена пагубная уступчивость въ управленіи Царствомъ Польскимъ. Даже въ самый день своей кончины, изнеможенный долгою служ-

---

*) Тогда нынѣшніе участковые пристава назывались *частными*.

бою въ домовой своей церкви, благословивъ и отпустивъ, наконецъ, посѣтителей и посѣтительницъ, онъ спѣшилъ въ дальніе покои для отдыха, какъ ему доложили, что пріѣхало лицо, только что передъ тѣмъ назначенное въ Москву на важную должность. Престарѣлый митрополитъ возвратился въ гостиную, поговорилъ нѣсколько минутъ съ новоприбывшимъ, и когда тотъ удалился, онъ произнесъ, въ присутствіи своего служки, затворившаго дверь за ушедшимъ гостемъ: „Опять дурака!“. Въ этомъ отзывѣ не одно старческое раздраженіе, но и вопль гражданина. И дѣйствительно, какъ это лицо, такъ и рядъ его предшественниковъ отличались слабостью умственныхъ способностей, чтó было положительнымъ общественнымъ вредомъ по важности ихъ служебнаго мѣста. Въ особенности въ послѣдніе годы своего поприща, въ царствованіе Александра Николаевича, вполнѣ обнадеженный милостью и почтительнымъ вниманіемъ Государя и Государыни, пользуясь глубокимъ уваженіемъ и дружбою высшей Московской власти, Филаретъ сдѣлался болѣе прежняго откровененъ въ своихъ отзывахъ о дѣлахъ общественныхъ и правительственныхъ. Письма его къ архимандриту Антонію и къ другимъ лицамъ, его „Мнѣнія и Отзывы“ напечатанные нынѣ Св. Синодомъ, дадутъ богатѣйшія указанія будущему историку той эпохи не по однимъ церковнымъ дѣламъ. Газеты едва успѣвали печатать новыя законоположенія, и почти о каждомъ изъ нихъ можно найти отзызъ въ писаніяхъ Московскаго митрополита. Не одинъ только умъ, но и Русское чувство его оскорблялось безоглядною поспѣшностью нововведеній, которая во всякомъ случаѣ свидѣтельствовала о презрительномъ незнаніи тысячелѣтней исторіи. Онъ не уставалъ посылать свои замѣчанія; имъ большею частью не внимали; но все таки мысль о томъ чтò скажетъ Филаретъ иной разъ смущала нововводителей. Когда его не стало (1867), сдѣлалось еще легче катиться но наклонной плоскости бумажныхъ преобразованій.

Въ маститой, чрезвычайно бодрой и ясной своей старости, митрополитъ не рѣдко любилъ бесѣдовать и о временахъ давнишнихъ, въ особенности о своей Петербургской дѣятельности въ царствованіе Александра Павловича. Вскорѣ послѣ того, какъ началъ выходить „Русскій Архивъ“, онъ пожелалъ познакомиться съ его издателемъ, въ благодарной памяти котораго неизгладимо сохраняются вечерніе часы, у него проведенные. Бесѣды эти переполнялись историческою занимательностью. Онѣ записаны и со временемъ будутъ извлечены изъ тогдашнихъ тетрадей. Обхожденіе митрополита, какъ и вся обстановка его, отличалась какою-то, можно сказать, изящною простотою. Не даромъ покойный Чадаевъ, съ своей католической точки зрѣнія, восхищался имъ и называлъ его „княземъ церкви“. Это была аристократія ума и даровитости. Ни малѣйшей роскоши; ничего претительнаго, смущающаго; ничего такого, чтó принято называть кутейничествомъ. Рѣчь шла исключительно о предметахъ свѣтскихъ, но все какъ-то насквозь пропитано было живымъ и умнымъ благочестіемъ и обвѣвало собесѣдника чувствомъ спокойствія Въ назиданіе сказано было вотъ что, и при томъ не прямо, а обращаясь къ третьему лицу, тутъ же

находившемуся. „Недавно Бодянскій въ своихъ „Чтеніяхъ“ напечаталъ про обстоятельство, воспрепятствовавшее Елисаветѣ Петровнѣ вступить на престолъ по кончинѣ императора Петра Втораго. Къ чему это? Вѣдь не всѣ же части нашего тѣла мы обнажаемъ“.

Въ числѣ людей, наиболѣе близкихъ къ Филарету, былъ историкъ-профессоръ Александръ Васильевичъ Горскій, впослѣдствіи ректоръ Московской Духовной Академіи. Изъ „Дневника“ его, недавно появившагося въ Прибавленіяхъ къ „Твореніямъ Святыхъ Отцевъ“, позволяемъ себѣ извлечь нѣкоторые разсказы митрополита. Что они записаны вѣрно, въ этомъ порукою сама удивительная личность Горскаго *). Вотъ нѣсколько строкъ, служащихъ какъ бы введеніемъ къ драгоцѣнному его дневнику.

«Душа, какъ воздухъ, вѣчно въ движеніи; какъ море вѣчно зыблется, каждые сутки—свой приливъ и отливъ мыслей и чувствованій. Каждое утро, едва открываю глаза мои, множество предметовъ, близъ меня находящихся и отдаленныхъ, относящихся къ моему долгу или пользѣ, важныхъ и незначительныхъ, втѣсняются неудержимо въ мою душу: это начало прилива. Онъ возрастаетъ съ теченіемъ дня; наконецъ, вся пустота души наполняется; каждая сила ея—волею и неволею—набирается этой соленой морской воды досыта; душа чувствуетъ свой грузъ, тяжесть и утомленіе; начинается отливъ,—обратное стремленіе, возвращеніе къ прежней точкѣ своего существованія: силы стягиваются къ своему центру, запасъ собирается и разлагается, душа въ покоѣ отвнѣ, дѣятельна внутри. Все ненужное для нея, во время сего успокоенія, исчезаетъ и изглаживается изъ ума и сердца; все подѣйствовавшее на нее съ силою укрѣпляется въ ея мысляхъ и чувствованіяхъ, подчиняетъ ближайшія къ себѣ изъ тѣхъ и другихъ, съ ними соединяется, такъ сказать, обрастаетъ ими и остается въ душѣ для дальнѣйшаго пребыванія и дѣйствованія. Не худо ловить нѣкоторыя струи (гдѣ видится что-либо полезное, и въ ихъ стремительномъ восхожденіи, и въ ихъ покойномъ отступленіи) устами Тантала-ума, и, пересмотрѣвъ, очистивъ, переработавъ, смѣшавъ съ другими бывшими въ запасѣ, сливать перомъ на бумагу».

Филаретъ съ любовью и уваженіемъ относился къ Горскому. Бесѣды ихъ, конечно, вращались преимущественно въ кругу дѣлъ академическихъ и церковныхъ. П. Б.

---

*) Біографія его, составленная графомъ Д. Н. Толстымъ, напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ 1875 года (III, 472—476).